

Моей маме.

Спасибо за твою любовь

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается
только с письменного разрешения правообладателей.

АНАСТАСИЯ
БЕЗДЕНЕЖНЫХ

Звезды в тумане

Москва
2026

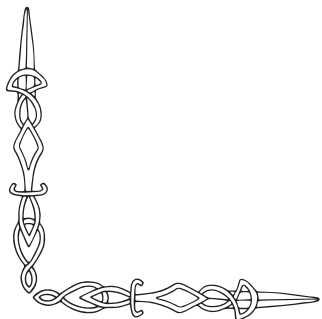
Пепел. Сумрак. Невозможность. Прах. Немые Обелиски.
Мир расколот. Едким горем пропитался каждый день.
Что ты можешь перед бездной? Лишь оплакать самых близких
И хранить внутри надежду, хоть надежды нет нигде.

Неужели слишком поздно? Неужели все разбито?
Обернулся страшной пропастью исполненный обет.
Холод над землёй пустынной, лишь гремит за битвой битва,
Но сегодня в старый замок возвращается рассвет,
Под оставленные крыши возвращается рассвет.

Над засохшими ветвями к небесам взлетело пенье,
Пролилась на почву черную целебная вода.
Звёзды смотрят из тумана, звёзды шлют благословенье,
В недрах дышит теплым светом не добытая руда.

Голосов родных, улыбок, теплых губ, что сердце грели,
Никаким теперь искусством не вернуть — а ты живи.
Неужели так бывает? Неужели?! Неужели?..
Но сегодня в старый замок возвратился свет любви,
Под израненные крыши возвратился свет любви.

Александра Худовекова

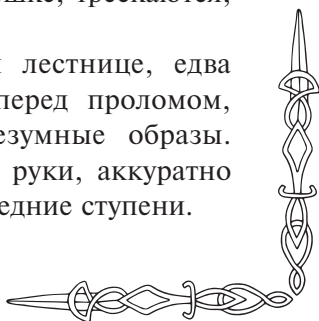
 пролог

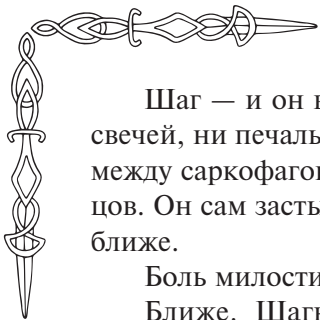
Он входит в Обитель сумрака как король минувших дней. Его когда-то величественное королевство опустело, и теперь среди безмолвных чёрных руин гуляет ледяной ветер, в чьём вое слышны песни об увядшей земле.

Обитель — остов с пустыми провалами арок вместо окон с разбившимися стёклами из лунного камня, а равнина, на которой она возвышается, обратилась серой безжизненной пустошью. Только чернеют обломки Обелисков, как клыки поверженного зверя.

Он ступает тяжело, не обращая внимания на укусы ледяного ветра, и эхо шагов слышно в мёртвой тишине. Гулко бьётся сердце, уставшее тело ломит, но он принимает боль как дар и напоминание, что ещё жив. Губы кривятся в усмешке, трескаются, на них выступает солёная кровь.

Он спускается по уцелевшей лестнице, едва не поскользываясь на ступенях перед проломом, в котором тьма свивается в безумные образы. Он отшатывается, но, взяв себя в руки, аккуратно перепрыгивает и преодолевает последние ступени.

Шаг — и он в Зале Плача. Но нет ни зажженных свечей, ни печальных песен, а серый сумрак клубится между саркофагов и у помостов статуй богов-близнецов. Он сам застывает изваянием, не в силах подойти ближе.

Боль милостиво, будто в насмешку, отступает.

Ближе. Шагнуть. Ещё. Пальцы немеют, раны кровоточат, но он не обращает внимания. У саркофага едва не падает на колени, догадываясь, что его ждёт, но всё равно не без труда стягивает тяжёлую крышку.

Внутри — кости жены и детей.

Он смотрит на ту, что пахла ночными цветами и ласкала теплом, на ту, что давала жизнь его сыновьям и плясала в отсветах костров на праздниках. Вместо костей и истлевшей одежды он видит застывший в памяти образ. И их дети... он тянется коснуться костей, выбеленных временем. Пальцы дрожат.

Он смотрит. Вместо мягкой улыбки — оскал черепа. Вместо светлых глаз сыновей — провалы глазниц. Вместо нежной груди — дуги ребер.

«Почему?!»

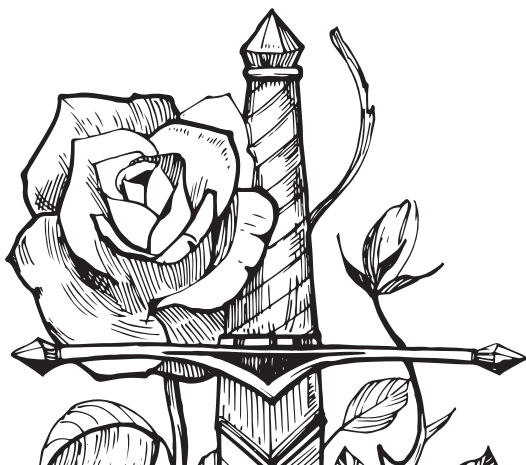
Он не сразу понимает, что кричит — в пустом зале, выпуская горечь и злость.

Кровь каплет из ран, багровыми прожилками застывает на белоснежном саркофаге. Скорбь растекается по телу. Он дрожит, когда прижимается лбом к холодному камню, и пальцы загребают останки той, кто когда-то любил его.

Кровоточат раны. Кости крошатся в пальцах.

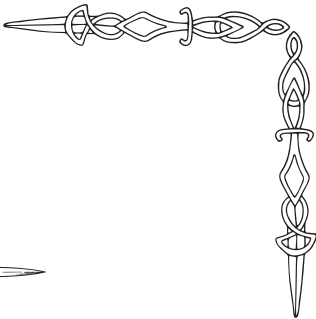
Воет ветер, знаменуя возвращение лорда земель сумрака.

ЧАСТЬ I

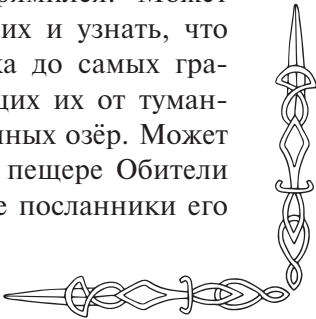
ГЛАВА 1

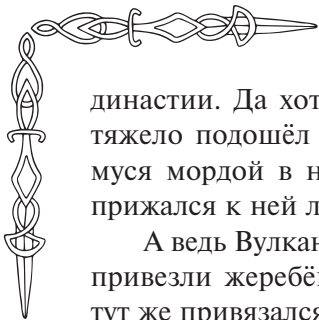
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Эдвард сидел на плоском валуне, которых хватало на пустоши перед Обителью, и бездумно перебирал в пальцах сухие комочки мёртвой земли, растирая их между подушечками. Они рассыпались в пыль — как до этого кости жены и детей, — и холодный ветер сметал ту с ладоней. Казалось, сердце замерло и больше не находит причин биться. И всё же... Эдвард с трудом поднялся, чтобы опуститься на колени и коснуться ладонью чёрного застывшего камня. Он хотел ощутить ту связь, что вилась между ним и его землями долгие десятилетия с тех пор, как Эдвард присягнул Обелискам и своему народу.

Но ощутил только мрак и пустоту.

Эдвард отнял ладонь и выпрямился. Может быть, кто-то выжил? Надо найти их и узнать, что случилось. Объехать земли сумрака до самых границ с горными грядами, отделяющих их от туманных. Или добраться до семи священных озёр. Может быть, отправить вестников, если в пещере Обители ещё водятся летучие мыши, ночные посланники его

династии. Да хоть корм найти для Вулкана! Эдвард тяжело подошёл к верному гнедому коню, тычушем мордой в напрасных поисках, погладил шею, прижался к ней лбом.

А ведь Вулкан с ним уже больше десятилетия. Его привезли жеребёнком из земель рассвета, и Эдвард тут же привязался к нему. Они вместе ушли в Бездну. И теперь Вулкан напоминал о счастливом прошлом.

Вулкан недовольно фыркнул и повёл ушами, Эдвард, прошептал слова успокоения. Вулкан замер, прислушиваясь к голосу хозяина, и ткнулся мордой в плечо, подбадривая. Эдвард уже взялся за седло, когда неясное чувство толкнуло в грудь и растеклось теплом.

Что это? Чьё-то заклинание? Или?..

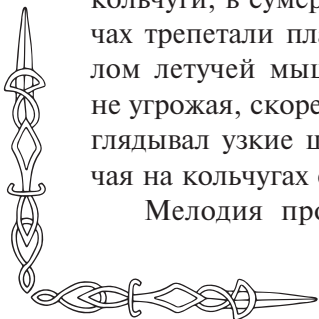
Он замер, всматриваясь в даль. Рука легла на рукоять меча в ножнах. Эдвард приготовился к битве — даже если та закончится его смертью. Промелькнула утешительная мысль: погибнет рядом с Обителью, где покоится семья. Вот и славно.

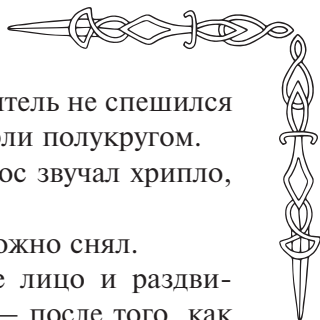
Послышался мерный топот копыт. Тепло росло в груди, звенело менестрельской песней. Сердце закололо неверием, когда показались всадники, впереди которых неслась знакомая фигура.

Не может быть. Морок! Наверняка он сошёл с ума от горя. Рука соскользнула с эфеса. Даже если и всадник, и его свита привиделись, Эдвард не примет оружие против брата. Никогда.

Приблизившиеся всадники все как один носили кольчуги, в сумерках мерцавшие багровым, а на плечах трепетали плащи с вышитым серебристым крылом летучей мыши, символом рода. Они кружили, не угрожая, скорее, отгораживая от мира. Эдвард разглядывал узкие шлемы и дорожные одежды, подмечая на кольчугах следы битв.

Мелодия продолжала звенеть в груди, сердце

стучало чаще и чаще, пока предводитель не спешился и не приблизился. Остальные замерли полукругом.

— Ты ли это, брат мой? — Голос звучал хрипло, но как знакомо!

Всадник потянул шлем и осторожно снял.

Эдвард всматривался в родное лицо и раздвигал плотный туман воспоминаний — после того, как он побывал в Зале Плача, прошлое стёрлось об горе и скорбь, хлынувшие в душу и затмившие разум.

Высокий и статный, такой же, как и сам Эдвард, его младший брат Альден унаследовал тёплую улыбку матери, её пшеничные волосы и тонкое телосложение. Эдвард пошёл в отца: шире в плечах, с жёсткими тёмными волосами и вечно хмурым выражением лица. Альдена с юности звали светочем во тьме, а Эдварда — сумрачным рыцарем. Один сиял, другой прятался в полутонах своих земель. Эдвард слышал это от слуг, когда Обитель ещё кипела жизнью, а вместо чёрного застывшего камня рос цветочный луг и вилось разнотравие.

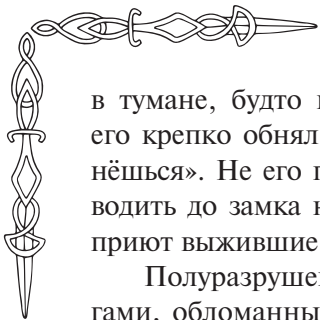
— Эдвард? — тихо окликнул Альден и, шагнув ближе, положил руку в перчатке на плечо. Крепко стиснул. — Ты узнаёшь меня? Ты почувствовал зов?

Ах да, вот почему мелодия стихла при приближении Альдена. Связанные одной кровью и из одной династии звёздных лордов, они могли чувствовать друг друга на расстоянии и призывать друг друга, если оказывались поблизости. Эдвард понял, что стоит не шевельнувшись, поэтому разомкнул кое-как губы и почти выкашлял:

— Да, ты мой брат. Я узнаю тебя. И твой зов я слышал.

Наверное, он звучал как слабоумный на площади, но Эдвард хоть и видел перед собой младшего брата, который теперь радостно улыбался, хоть и ощущал рядом всадников и слышал, как храпят кони, но терялся

в тумане, будто всё это происходило не с ним. Не его крепко обнял брат, шепнув: «Я знал, что ты вернёшься». Не его просили сесть в седло, чтобы сопроводить до замка на границе, где, как сказали, нашли приют выжившие обитатели земель сумрака.

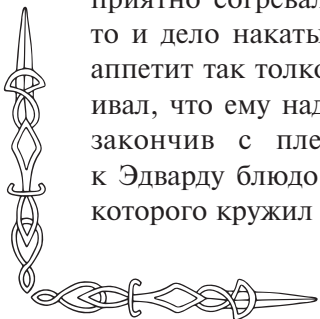
Полуразрушенная Обитель, Зал Плача с саркофагами, обломанные клыки Обелисков — всё осталось позади, пока Эдвард скакал бок о бок с братом.

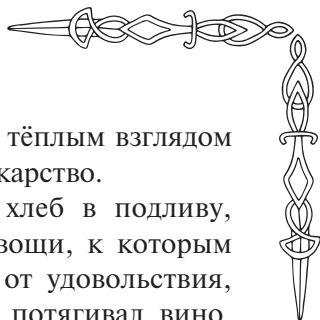

Почти всю следующую неделю он спал без видений и кошмаров. Благодаря зельям лекарей Эдвард проваливался в целебный сон и просыпался, только чтобы выпить ещё одну кружку отвара, хотя его предупредили: позже придётся с ними быть осторожнее, они туманят мысли. А вот раны, полученные в сражениях с тварями в Бездне, — одна на груди, вторая на плече, — продолжали кровоточить, и никакие припарки или мази не помогали.

Вечерело, за окнами сгущался сумрак, и Эдвард, терпеливо подставив плечо, шурился на закатное солнце, видневшееся в узком окне, пока Альден менял повязку.

Слуги как раз принесли ужин. Эдвард воздерживался от вина, отдавая предпочтение настоям из мяты и таволги, которые, в отличие от целебных отваров, приятно согревали и развеивали тяжёлое оцепенение, то и дело накатывающее после возвращения. А вот аппетит так толком и не вернулся. Но Альден настаивал, что ему надо восстанавливаться. Вот и теперь, закончив с плечом, он решительно придвинул к Эдварду блюдо с запечённым мясом, один аромат которого кружил голову.

— Давай-ка, тебе нужны силы.

Эдвард хотел возразить, но под тёплым взглядом брата сдался. Ладно. Еда — тоже лекарство.

Альден макал мягкий белый хлеб в подливу, цеплял на вилку маринованные овощи, к которым питал страсть с детства, шурился от удовольствия, жуя нежное мясо, и неторопливо потягивал вино. А Эдвард думал о том, как любил ужины со своей женой, Элейн, вот так же: наедине, в своих покоях, без слуг и лишних глаз. Она часто напевала баллады, и её голос обволакивал спокойствием и благодатью.

Бездна! Эдвард со вздохом отодвинул блюдо и потянулся за кубком. Взгляд Альдена ему не понравился: непривычно серьёзный — впрочем, разве тут есть чему удивляться? Как узнал Эдвард, прошло почти полвека. И если для него они обернулись безвременьем в Бездне, Альден пытался спасти земли и его народ.

Эдвард ощутил себя мышинным помётом. Какой теперь в нём толк?

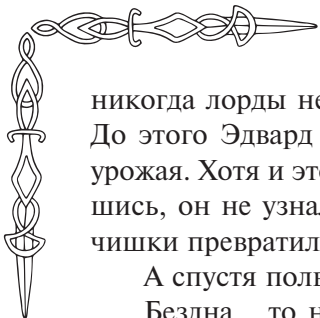
— Думаю, настало время поговорить. — Голос Альдена прозвучал вкрадчиво, а сам он подобрался и отставил кубок. — Ты знаешь, что произошло в Бездне и почему тебя не было так долго?

Чувство вины нахлынуло удушающей волной и уволокло за собой во мрак. Эдвард совершенно растерялся. Каждое слово, которое приходило на ум, звучало слабым оправданием, потому что, положив руку на сердце, он понятия не имел, почему задержался на полвека. Память заволокло туманом.

— Эдвард, я не виню тебя ни в чём. — Альден подался вперёд. — Каждый из тех, кто принадлежит роду, рождённому богами, рано или поздно уходит сражаться с Бездной, чтобы защитить свои земли.

Он будто напоминал о том, что Эдвард мог забыть, но от этого становилось только хуже. Ведь

никогда лорды не покидали свои земли так надолго. До этого Эдвард отсутствовал не более пяти сборов урожая. Хотя и это тоже оставляло свои раны: вернувшись, он не узнал старшего сына, который из мальчишки превратился в статного юношу.

А спустя полвека — даже не в старика, а в кости.

Бездна... то наследие и груз, которое он принял на себя, когда принёс клятву земле и народу, стоя перед Обелисками. Так повелось из века в век: старший лорд слышит Зов Бездны, которому не может противиться, иначе начнёт сходить с ума, и уходит туда, чтобы пройти таинственный, вечно меняющийся лабиринт и оставить всё худое, что скапливается в земле и воде. Вход в Бездну лежал на северной окраине, среди скал. Туда вёл единственный путь, и пройти его мог только наследник династии. В Бездне обитали твари, а сама она не походила ни на что известное людям и отнимала память, время и силы. Порой те, кто обитали в Бездне, вырывались из пещеры и проявлялись в мире живых.

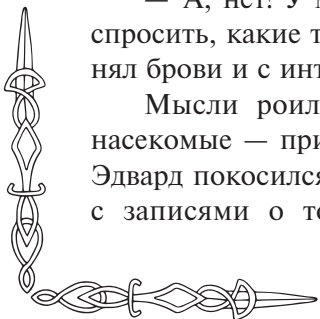
— Возможно, я зашёл слишком далеко, — медленно ответил Эдвард и, чтобы дать себе время на размышления, сделал несколько глотков настоя. Тот растёкся приятным теплом, которого так не хватало. — Хотел... не знаю, сдержать Бездну, а она сама завлекла меня к себе и выплюнула обратно, когда я ей надоел. Я почти ничего не помню.

— Хм.

— Ты выглядишь так, будто знаешь что-то.

— А, нет! У меня тоже нет ответов. Но, позволь спросить, какие теперь у тебя планы? — Альден поднял брови и с интересом посмотрел на Эдварда.

Мысли роились и жужжали как надоедливые насекомые — прибьёшь одно, слетится ещё десяток. Эдвард покосился на стол, где лежали карты, свитки с записями о том, что произошло за последние

полвека, черновики писем для правителей других земель и для местных лордов, многие из которых переселились в замок Альдена и в его окрестности. Другие уберегли владения от тварей, но были и те, кто выбрал безопасные и сытые земли тумана или рассвета.

Не проходило ни одного солнечного зенита, чтобы Эдвард не горевал и не думал, а что он теперь может сделать. Он бы не отказался не возвращаться вовсе, только это никому не поможет. В нём тлела связь с землёй, и если он снова покинет её, то реки и озёра пересохнут окончательно, семена перестанут давать всходы, а Бездна просочится дальше. Его долг — вернуть жизнь. И начать хотя бы с осмотра своих владений. Понять, что сам Эдвард может сделать. И собрать Искусников.

Наверное, он начал рассуждать вслух, потому что Альден прервал его мысли:

— Искусников в наших землях больше нет. Но мы можем пригласить...

— Нет. — Эдвард качнул головой. — Я попробую сам. Завтра я отправлюсь к Обелискам и в Обитель. И проститься ещё раз с Элейн и детьми.

— Ты уверен, что готов увидеть их снова?

Альден с тревогой взглянул на Эдварда, он же промолчал. Может быть, брат принял тишину за сомнения и мягко увещевал:

— Дай себя время. Я знаю, что для тебя значила Элейн и сыновья и как ты хотел, чтобы один из них перенял связь с землёй. Для тебя прошло так мало времени...

Эдвард резко прервал:

— Ты видел их гибель?

Альден отвёл взгляд. Он так часто улыбался и веселился, что нынешние задумчивость и тоска никак не вязались с ним, и Эдвард всматривался,